

Размышления над новой книгой

© 1998 г.

В.К. ЛЕВАШОВ

К ОСОЗНАНИЮ ПРОЦЕССОВ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Левашов Виктор Константинович - доктор социологических наук, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В огромных массивах информации новых и "старых" теорий, модных и, казалось бы, "отслуживших" терминов в современном социальном знании особое место заняли понятия-символы времени: "модернизация", "переходное общество", "трансформация" и т.п. Постсоветские идеологические императивы вызвали "постмарксистскую" потребность эмпирической и теоретической интерпретации социальной действительности. В последние годы приходится наблюдать своеобразный бум пропагандистской и научной литературы, которая в качестве понятийного аппарата использует термины, закрепившиеся изначально в естественных и технических науках. По всей вероятности, такое положение есть отражение определенного кризиса, "застоя" гуманитарной сферы, наук об обществе, и обгоняющего, ускоренного развития отраслей знаний, связанных с предметно-материальным освоением мира. Во всяком случае, мы присутствуем на такой стадии развития научного знания, когда еще не началось "перетекание" теорий, представлений, понятий социальных наук в естествознание.

Тем не менее, в своих исследованиях ученые-социологи стараются понять реальность с помощью подходящего инструментария, "добыть" достоверное научное знание, которое может быть проверено и востребовано практикой общественной жизни. Но, как это всегда бывает в движении мысли, которая поощряется и отражает интересы господствующей власти, но не большинства общества, появляются различного рода "шумы", "искажения" и "девиации", в конечном итоге приводящие к созданию новых мифологий, новых социальных миражей, за манящим маревом которых оказывается уже известная, разочаровывающая своей суровостью реальность жизни. Обмануться на постмодернистском карнавале слов и "словечек" легко. Сложнее разглядеть истинные лица, социальную и политическую сущность новых "героев" трансформаций, адекватно, сообразно времени понять и корректно отразить интересы общества. В этой многотрудной и по нынешним временам неблагодарной работе весьма эффективную помощь может оказать новая монография известного белорусского социолога, доктора социологических наук, члена-корреспондента Национальной академии наук А.Н. Данилова¹. В своей книге он решил на анализ многочисленных теоретических обобщений и интерпретаций эмпирической информации, представленных в современной литературе, посвященной трансформационным процессам и переходному обществу.

Прежде чем приступить к обзорному анализу наиболее заметных научных отечественных и зарубежных публикаций последних лет, посвященных оценке характера перемен в мире и странах Центральной и Восточной Европы, автор представил свою

¹ Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск: Універсітэцкае, 1997. 431 с.

точку зрения по проблемам понимания сущности процессов трансформации. "Термин "трансформация" точно характеризует перемены в развивающихся странах, которые перешли к новой социально-экономической политике или ставят задачу перехода от старых, традиционных укладов к новейшему индустриальному производству при более всеобъемлющем использовании рыночных механизмов" (с. 11). А.Н. Данилов определяет границы и глубину своего понимания процессов системной трансформации, соглашаясь с принятыми в научной литературе подходами. А они означают изменение политической и государственной системы, обновление экономических основ общественной системы, отказ от социалистической "всеобщности труда", приспособление к требованиям мирового рынка, перемену духовно-культурных ориентиров общественного развития. Такой широкий, комплексный подход, стремление учесть и отразить многообразие перемен в основных сферах общественной жизни дают возможность достаточно глубокого "стереоскопического" видения перемен в обществе.

Действительно, на всем постсоветском пространстве идут трансформационные процессы, которые имеют революционный характер. Об этом сегодня говорят идеологи и ученые, разделяющие мировоззрение либерального монетаризма. А вот действующие политики в нашей стране, да и в ближайшем зарубежье упорно твердят, что они проводят в лучшем случае радикальные рыночные реформы, т.е. не покушаются на фундаментальные качественные характеристики социума. Существует ли вообще "ключевое" сущностное измерение происходящих трансформационных перемен? Анализируя множество точек зрения на природу и сущность трансформации переходного общества, А.Н. Данилов приходит к выводу, что важнейшим фактором и целью изменений является рыночный характер возникающей системы, "т.е., соревновательность всех возможностей общества" (с. 43, 73). В этой связи, по нашему мнению, важно подчеркнуть два обстоятельства.

Очевидно, что мобилизационная экономика в разных формах, размерах и пропорциях в недавнем прошлом в нашей стране не могла не содержать в себе рыночные отношения. Товарное производство, а оно, несомненно, существовало в СССР, не могло не вызвать к жизни рыночные отношения. Вопрос - в какой форме они существовали? Новейшая история многих стран уже в XX в. показала, что формы рыночных отношений зависят не только от уровня развития производительных сил, но и от характера политических и социальных задач, которые стоят перед обществом и государством. Было бы большим упрощением сводить экономические реалии и факт наличия или отсутствия рынка в советской экономике к дискуссии ученых-"рыночников" и "антирыночников". Практика последних лет неоднократно опровергала универсальные формулы типа "Идеология решает все!" или "Рынок решает все!". Во втором случае уже в наше время массовому и общественному сознанию не удалось избежать столь тщательно изучаемой в недавнем прошлом детской болезни "товарного фетишизма". Она проявилась в абсолютизации рынка как общественной цели развития, нежелании или неспособности увидеть в нем инструмент общественных отношений, сознательной и тотальной пропаганде государством культа богатства, денег, потребительства.

Второе замечание по поводу роли рынка в процессах трансформации связано с тем, что в условиях "серийных" сбоев и кризисов на региональных финансовых рынках все большее число исследователей у нас в стране и за рубежом приходят к мнению о необходимости ограничения практики свободного монетаризма и повышения роли государства и международных органов в управлении экономическими и социальными процессами. В нашей стране общество так и не испытало на себе в процессе монетарных трансформаций улучшения условий и качества жизни. Напротив, вопреки неоднократно декларируемым "точкам роста", "позитивной динамике" и подобным оптимистическим ожиданиям реформаторов, подавляющая часть населения критически оценивает проводимую политику. Многочисленные эмпирические исследования различных социологических служб и центров подтверждают такие оценки. Сошлемся только на те, которые проводились в нашем институте (см. табл. 1).

**Динамика отношения населения РФ к проводимому курсу
экономических реформ (в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	Январь 1995, N-1534	Январь 1996, N-1603	Январь 1997, N-1605	Август 1997, N-1600
В основном положительно	11	19	15	17
В основном отрицательно	51	52	47	48
Безразлично	15	12	10	14
Затруднились ответить	23	17	28	21

Источник: Аналитический центр стратегических социальных и политических исследований ИСПИ РАН.

По сути дела, по мнению большинства респондентов, те изменения, которые произошли в обществе, имеют реверсивный, антисоциальный характер. В силу этого и многих других обстоятельств приходится констатировать, что трансформационные процессы в нашей стране несут на себе черты явной социальной деградации. Государство пока явно не справилось со стратегической социополитической задачей - консолидацией общества и государства. Оно пошло на поводу у сторонников архаичной мотивационной модели максимализации прибыли. Это и породило "дикие" формы приватизации, не создание, а уничтожение конкурентной среды, основанной на трудовой мотивации, криминализацию общественных отношений и, как следствие, массовое отчуждение населения от властных элит и политических институтов. Таким образом, рынок сам по себе не может быть и не стал в России системообразующей категорией процессов социальной трансформации. В своем социальном измерении такое развитие привело к **социальной деградации и дегуманизации общественной жизни**. Эти явления, по нашему мнению, и составляют сущностную характеристику реальных процессов системной трансформации. Произошел разрыв между замыслом и результатом. Многочисленные факты и анализ, которые приводит А.Н. Данилов, подтверждают этот вывод.

Анализируя процессы трансформации политических отношений, автор приходит к заключению, что каждая страна вырабатывает "свой собственный путь трансформации и рыночного хозяйства" (с. 95). Иными словами, общая теория трансформации вряд ли существует. Действительно, по своей социальной эффективности рекомендации и рецепты, которые так уверенно выписывают некоторые отечественные и зарубежные специалисты, скорее можно отнести к области астрологии и корыстного лукавства, чем науки и социальной реальности. Вывод автора о том, что многие работы не связывают "будущее Запада с удовлетворительным материальным и культурным состоянием трансформирующихся обществ", лишь подтверждает необходимость скорейшей разработки отечественными учеными теории национальной общественной безопасности, корректного понимания национально-государственных интересов.

Особую значимость для аналитиков-практиков представляют разделы книги, посвященные социально-политической диагностике трансформационных процессов. Показательно, что ряд анализируемых методик ориентированы на измерение и оценку процессов в трансформирующихся странах в первую очередь применительно к удовлетворению национально-государственных интересов Запада. Удельный вес социальных критериев в этих методиках невелик, общая оценка производится в рамках традиционной потребительской парадигмы развития. Между тем, А.Н. Данилов, ссылаясь на тот факт, что даже в США 40% ВВП производится в государственном секторе (федерального, штатного и местного уровней), показывает, что политическая и социальная стабильность достигается в тех странах, где происходит переход к смешанной экономике, сочетающей элементы капитализма и социализма. Объек-

тивные процессы обобществления производства приводят к социализации государства. К сожалению, в атмосфере официального антикоммунизма не могли не возникнуть облегченные и вульгарные взгляды на природу и диалектику становления социального государства. Историю его становления начинают отсчитывать в лучшем случае с середины XX в. Это, на наш взгляд, не соответствует фактам.

Практика и теория социального государства новейшего времени складывалась из многих составляющих действительности и отражает логику и сущность развития социально-политических процессов, происходивших в мире на протяжении многих веков. Социализация государства, медленный, сквозь века идущий процесс такого становления начался с момента возникновения государства как процесс солидаризации и практической реализации жизненных интересов большинства членов общества посредством совершенствования механизмов демократического управления.

В Европе согласование интересов и действий началось среди узкого круга свободных граждан, ставших такими в силу ограничительных имущественных или сословных критериев, как, например, в рабовладельческом древнегреческом городе-полисе или Римской республике. Этапом становления социального государства стало развитие сословной демократии в средние века. В 1215 г. английские бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Хартию вольностей, которая по сути дела стала Декларацией политических свобод зарождающейся буржуазии в недрах сходящего с исторической сцены феодального общества на Британских Островах. Великая Французская революция сделала возможным принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина, в которой были выражены социальные и политические интересы буржуазии, крестьянства и городского плебейства: свободы личности, слова, совести, равенства граждан перед законом, право на сопротивление угнетению. Это были первые шаги европейцев на пути к социальному государству.

Фундаментальные противоречия между провозглашенными лозунгами и неравноправными социальными отношениями, утвердившиеся после победы буржуазных революций в Европе, увидели и вынесли на суд общества социалисты - утописты и просвещенные мыслители XVIII в. Детальный анализ ограниченного характера социального государства буржуазной демократии дали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс.

Американский экономист Дж. Гэлбрейт считает, что начало процессу становления государства всеобщего благоденствия было положено в Германии в 1870 г. и явилось следствием революционных настроений германского рабочего класса [1, с. 80-81]. Противоречивый характер социальных реформ О. Бисмарка дал повод Ф. Энгельсу назвать их "прусским социализмом". Тем не менее, государства, защищая интересы меньшинства, под давлением широких социальных слоев снизу в Германии и Великобритании были вынуждены принимать законы о социальном страховании. В Европе начался медленный процесс трансформации государства насилия над большинством в социальное государство защиты интересов большинства.

По мере того, как в XIX и XX вв. социально-политические конфликты и глобальные проблемы стали приобретать планетарные масштабы, процессы социализации государства, его структур и институтов стали захватывать современные индустриальные страны. Мощнейшим импульсом, резко ускорившим эти процессы в XX в., стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Она дала толчок развитию новых механизмов и инструментов социального государства посредством возникновения советской формы демократии и впечатляющих результатов социальной политики государства.

В 30-е годы не только в России, но и в других странах, в первую очередь промышленно-развитых, начались интенсивные поиски новых социально-политических технологий. Историческая, национальная, социокультурная специфика в каждой конкретной стране по-своему отражалась в социальных инновациях, формах, механизмах взаимодействия общества и государственных институтов. Но сутью и направлением

этих процессов было общее стремление - избежать крупномасштабных социальных конфликтов путем согласования интересов, раздела ресурсов и создания эффективных социально-политических механизмов на национальном и международном уровнях.

В США правительство президента Ф. Рузвельта в 1933-1938 гг. для ликвидации мирового экономического кризиса и смягчения противоречий американского капитализма проводило политику "Нового курса", которая сочетала методы по усилению государственного регулирования национальной экономики и активной социальной политики. В основе этой политики лежали идеи Дж. Кейнса, основоположника теории государственного регулирования экономического цикла. Он считал, что рост крупных корпораций и массового производства значительно опередил массовый спрос, что и привело к усилению неустойчивости экономики и стало одной из важнейших причин Великой депрессии 30-х годов. Ф. Рузвельт считал, что для ликвидации этого положения государство должно взять на себя ответственность за развитие экономики, сменить роль "ночного сторожа" на роль "совета управляющих", побуждающих общество зарабатывать деньги и правильно их расходовать. Закон о социальном страховании 1935 г. был успешной попыткой ослабить антагонизм в сфере отношений труда и капитала и сосредоточить внимание на недостатках в таких сферах, как государственное жилищное строительство, медицинское обслуживание и образование.

В первой половине XX в. еще во времена господства национал-социализма, идеи социального рыночного хозяйства получили развитие в школе неолибералов в Германии. Уже в 1932 г. Александр Люстов сформулировал принципы неолиберализма. В 1937 г. профессора Франц Бель, Вальтер Ойкен и Ганс Гросман-Дерт публикуют серии работ, в которых показывали, что основная задача государства заключается в осознанном формировании социально ориентированного политического и экономического порядка. А. Гитлер использовал эту потребность в своих целях. Пообещав немцам рай за счет других наций, он стал добиваться мирового господства на основе антигуманной национал-социалистской идеологии.

Очевидно, что ни И. Сталин, ни А. Гитлер, ни Ф. Рузвельт не абсолютизировали методы тотального администрирования в политической и экономической жизни своих стран в 30-40-х годах. Это были вынужденные мобилизационные социальные технологии, вызванные задачами концентрации военной и экономической мощи в период II мировой войны. Как только задачи чрезвычайного периода оказывались выполненными, глобальная тенденция возникновения и функционирования социального государства пробивала себе дорогу к жизни на разных континентах, в разных странах с учетом национальной, исторической, политической, экономической, социокультурной специфики.

Во второй половине XX в. теоретические и практические поиски путей строительства социального государства как средства, позволяющего избежать новых глобальных конфликтов, начались практически во всех идейно-политических течениях общественной мысли - от консервативных либералов до ортодоксальных и левых коммунистов. Именно это обстоятельство позволило известному политологу либеральной ориентации Ральфу Дарендорфу констатировать, что история последнего столетия, особенно последних тридцати лет, показывает, что сопротивление правящих групп заканчивалось признанием тех ценностей, которые они раньше отвергали. "В своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим. Таким его сделали не одни социал-демократы. В конце концов мы (почти) все стали социал-демократами" [2, с. 10-12].

Заслуга практической реализации социального рыночного хозяйства в ФРГ принадлежит Людвигу Эрхарду и статс-секретарю Федерального министерства экономики профессору Альфреду Мюллер-Армаку. Именно они создали организационные предпосылки возникновения феномена "германского чуда". Используя ресурсы плана Маршалла, К. Аденауэр и Л. Эрхард сумели создать в разрушенной Германии такой социальный и экономический порядок, который обеспечил высокую мотивацию труда, впечатляющие темпы производства, технологическое обновление и эффективно дей-

ствующую систему социальной защиты. Западная Германия прошла период ускоренной социально-политической реабилитации и начала устойчиво развиваться на базе традиционных немецких ценностей, в фундаменте которых лежала этика протестантизма.

Социально ориентированное рыночное хозяйство возникло и успешно развивается в Японии. Факторы производства: труд, земля и капитал в оккупированной Японии были удачно наложены на систему национальной корпоративной нравственности и этики. Такая комбинация дала удивительные результаты. Японская система управления персоналом на крупных и мелких фирмах в своей основе использует современные и традиционные для японского общества принципы и методы социального управления. Освобожденная, материально и духовно мотивированная национальным образом социальная энергия японского общества позволила обойти своих учителей - США и Европу - в производстве конкурентоспособной продукции и продвижении товаров на рынки.

Свою особую траекторию в мировом социальном движении нашла шведская модель, основные узлы и конструкции которой были заложены У. Пальме в 1975 г. Он критиковал экономические системы как в капиталистических, так и в коммунистических странах и считал, что для них характерны недемократическая концепция власти, неравноправное распределение ресурсов, культ потребления, максимализация прибыли и хищническое отношение к природным ресурсам и экосфере. Основная цель шведских социал-демократов сформулирована Э. Вигфорсом и отражает идеи функционального демократического социализма - "изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производство находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия" [3, с. 10].

Второе дыхание получила китайская социалистическая модель развития после того, как традиционные формы социальной организации общества, регулируемый государством рынок и созданный индустриальный потенциал были задействованы в балансе интересов общества, государства и личности. Китайское государство нашло механизмы социального развития, которые позволяют обеспечивать в обществе устойчивый консенсус интересов и высокую мотивацию труда.

Абстрагируясь от национальной специфики, социальное государство необходимо рассматривать как общественный феномен, который возникает в процессе становления общественно-значимой, т.е. социально-ориентированной, иначе - социалистической системы ценностей и мотивов деятельности в интересах большинства членов общества и устойчивого развития цивилизации на планете.

История убедительно показывает, что эффективное социальное государство возникает при условии свободного взаимодействия членов общества с политикой государства, направленной на согласование интересов, создание материальных условий и духовных факторов реализации потребностей. Как и рынок, в каждой отдельной стране социальное государство проходит свой исторический путь развития и принимает свои особые национальные формы.

Экономические разделы монографии особенно будут интересны для специалистов, занимающихся интеграционными процессами, так как автор приводит обширные и детальные материалы, посвященные процессам экономической трансформации. Например, приводимые экспертные оценки при всех погрешностях имеют ценность для политиков и специалистов, готовящих стратегические решения (см. табл. 2).

В разделах монографии, посвященных проблемам социальной структуры, А.Н. Данилов представляет свою точку зрения и взгляды ученых на сложные и неоднозначные процессы, которые происходят в странах СНГ и России. В последние годы по этой центральной для социологии проблеме состоялось немало заметных выступлений. Многие из них своим лейтмотивом имели проблемы формирования среднего класса как

**Экспертные оценки* привлекательности ведения бизнеса
в постсоциалистических странах**

Страны	Экономический рост	Стабилизация цен	Безопасность	Продуктивность	Инфраструктура	Банки	Коррупция и криминальность	Налоги
Чехия	7,3	8,8	9,1	8,4	9	8,9	8,6	7,1
Словения	7,6	8,3	9,1	8,9	9,3	8,9	9,3	6,6
Польша	8,8	6,9	9,1	8,6	8,1	8,6	8,6	6,9
Венгрия	4,9	6	9,1	9	9,4	9,5	8,8	6,3
Словакия	7,6	8,5	6,9	7,3	7,9	7	6,6	6,4
Эстония	7,6	6	7,4	6,8	6,9	6,9	7,1	6,3
Латвия	6,3	6,9	7	6,8	6,5	6,4	6,6	6,1
Хорватия	5,6	8,9	6,9	6,3	6,8	6,3	6	5,3
Литва	6,3	6,1	6,6	6,1	6	6	6,8	5,9
Румыния	6	5,9	5,6	5,8	5,1	4,9	5	6,1
Болгария	5,4	4,5	5,9	5,8	6	4,9	5,6	5,1
Македония	4,8	6,6	5,6	4,9	4,8	4,3	4,6	6,3
Албания	6,9	6,9	4,6	3,9	2,5	2,8	4,3	5,6
Россия	3,9	3,6	4	4,6	4,4	5,5	2,3	3,9
Молдова	4,1	5,3	4,3	4,5	3,8	3,6	3,5	5
Армения	7,6	3,4	2,9	3,1	2,1	2,1	3	4,9
Киргизия	3,9	4,1	3	3,3	2,6	2,6	3,3	3,6
Казахстан	2,4	3,5	3,1	3,8	3,5	3	2,9	4,1
Югославия	2,9	2,3	3	4,4	4,1	4,3	2,6	3,5
Украина	1,1	2,4	3,8	4,1	4,3	3	2,5	3
Беларусь	2	1	3,6	2,9	4,4	2	3,1	2,4
Грузия	3,4	2,8	2,3	3,3	2	1,8	1,6	3,7
Азербайджан	3	2	2,6	2,3	2	1,8	2,4	3,7
Узбекистан	2,3	1,9	2,6	2,6	2,8	2,3	2	2,9
Туркменистан	2,9	0,6	2,5	2,3	2	1,8	2,9	3,1
Таджикистан	1,5	1,8	1,5	1,8	1,6	1,4	1,4	3

Источник: Central European Economic Review, December 1995-1996. Vol. 3. № 10. P. 9.

Использована 10-балльная шкала экспертных оценок.

основы социально стабильного общества с рыночной экономикой. Все большее число исследователей у нас и за рубежом считают категорию "средний класс" уже недостаточно адекватной в своей инструментальной надежности и точности для анализа социальных процессов как в трансформирующихся обществах, так и в обществах с развитой рыночной экономикой. Диверсификация производства, изменение структуры и характера доходов, изменение роли государства в экономической жизни в бывших странах социализма и в капиталистических обществах усугубили процессы поляризации, когда говорить о позитивной динамике стабильного общества, укреплении среднего класса в понятиях 60-70-х годов вряд ли возможно и уместно. Произошло разрушение "старых" средних классов и появление новых "средних" групп с измененными социальными характеристиками. Читателю, несомненно, будет интересна информация, которую в многочисленных источниках подобрал автор, и которая дает обильную пищу для размышлений и анализа этих процессов в нашей стране (см. табл. 3).

Очевидно, что изменения, которые произошли в нашем обществе, настолько глубинны и фундаментальны, что исследователям еще предстоит в этой области провести научный анализ и отказаться от ряда понятий, которые устарели и перешли в разряд идеологических догм уже в последние годы.

**Профессиональная структура занятости в России и США (1990,%
от общего числа занятых в экономике)**

Специальность	Россия	США
Инженеры	5,20	1,58
Техники	1,42	2,26
Мастера	1,66	1,88
Главные бухгалтеры и аудиторы	0,34	1,21
Счетоводы, бухгалтеры и работники учета	1,90	1,62
Секретари	0,74	3,35
Машинистки	0,22	0,54
Научные работники	0,46	1,25
Преподаватели вузов, колледжей и школ	2,61	4,03
Воспитатели	1,63	1,41
Зубные врачи	0,07	0,14
Фельдшеры и акушерки	0,41	1,42
Медицинские сестры	1,53	1,23
Товароведы	0,31	1,29
Продавцы, бармены, буфетчики	1,99	3,44
Кассиры	0,56	2,11
Повара, кулинары	1,31	1,54
Официанты	0,12	3,95
Фермеры	0,17	1,05
Водители автотранспорта	6,78	3,04
Механики и ремонтники транспортных средств	1,05	1,45
Слесари и сборщики	6,78	0,96
Каменщики, облицовщики	0,67	0,35
Кровельщики	0,05	0,18
Маляры	1,02	0,46
Электрики	1,88	0,59
Бетонщики	0,13	0,06
Грузчики, подносчики	1,04	1,45
Мусорщики, уборщики	2,22	1,86
Разнорабочие	2,71	1,19

Источник: Проблемы теории и практики управления. 1993. № 4. С. 53.

Заключительные разделы монографии посвящены перспективам трансформационных процессов. Поиск эффективных социально-политических стратегий требует, с одной стороны, последовательности в применении апробированных и надежных методов социологического анализа, а с другой - творческого их развития. В этой связи А.Н. Данилов адресует нас к работам И. Валлерстайна. Выводы и оценки, которые делает этот ученый в своих работах, дают возможность исследователям оставаться в поле научного знания. Приведу одну из его оценок, которая имеет определяющее значение для понимания направленности социальных процессов, идущих в трансформирующихся странах и в целом на планете: "Я думаю, К. Маркс оказался прав в одном из самых скандальных прогнозов, от которого впоследствии отказались сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической системы действительно ведет к поляризации и к абсолютному, а не относительному обнищанию большинства" [4, с. 42]. Заметим, что у Маркса речь идет о тенденции развития отношений между классами, а у Валлерстайна - между основными регионами мира. Хотя, конечно, эти два подхода ни в коем случае не противоречат друг другу. Более того, для понимания социальной природы процессов глобальной трансформации, образования колоссальных ресурсных диспропорций соединение социально-классового подхода с территориально-региональным анализом неизбежно.

Исследования социальной природы общества и мирового сообщества на основе диалектического метода, анализа материальных и духовных связей и противоречий по-прежнему являются продуктивными и активно используются политиками для выработки государственных решений. Еще раз осмысливая диалектику сущностного содержания таких понятий, как "формация", "реформы", "трансформация", приходишь к выводам, что она отнюдь не может быть ограничена упрощенными представлениями о старых и новых теориях, ученых-новаторах и традиционалистах, молодых и старых реформаторах и политиках. Мы не сможем подступиться к пониманию сущности происходящего, пока не попытаемся ответить на вечный, но не слишком модный сегодня вопрос "Cui prodest?". Действительно, кто выигрывает от сегодняшних перемен в мире: узкий слой элиты или большинство населения "трансформирующихся" обществ, развитые страны или все мировое сообщество, которое становится все более неустойчивым в условиях наращивания материальных и духовных диспаритетов. Наконец, теории и понятия должны давать исследователю возможность измерить гуманность сегодняшнего мира по отношению к будущим поколениям, ответить на вопрос о возможности сохранения на планете жизни как таковой. Поможет в этой работе анализ, проделанный А.Н. Даниловым в своей книге. Исследователю удалось провести читателя через хаос представлений о трансформирующемся мире по маршруту, который дает надежду на гармонию прошлого, настоящего и будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С.* Капитализм, социализм, существование. М.: Прогресс, 1988.
2. Социал-демократия в конце 80-х годов. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990.
3. Проект новой программы социал-демократической рабочей партии Швеции. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1990.
4. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистический мир - экономика, 1500-2010 // Свободная мысль, 1996. №5.